

Илья ЭРЕНБУРГ

ВЕРНОСТЬ

СТИХИ





ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

ВЕРНОСТЬ

(Испания. Париж)

Стихи

2

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1941

ВЕРНОСТЬ



* * *

Верность — прямо дорога без петель,
Верность — зрелой души добродетель,
Верность — августа слава и дым,
Эной — его не понять молодым.
Верность — вместе под пули ходили,
Вместе верных друзей хоронили.
Грусть и мужество — не расскажу.
Верность хлебу и верность ножу.
Верность смерти и верность обидам,
Бреда сердца не вспомню, не выдам.
В сердце целься, пройдут по тебе.
Верность сердцу и верность судьбе.

БОЙ БЫКОВ

Зевак восторженные крики
Встречали грузного быка.
В его глазах, пустых и диких,
Была глубокая тоска.
Один, не зная про измену,
Он долго поджидал врага;
Грустя, пересекал арену
И в пустоту вонзал рога.
Дрожали дротики обиды.
И бык, собой не дорожа,
Бежал на яркие хламиды,
На холод точного ножа.
И ни налево, ни направо —
Его дорога коротка.
Зеваки повторяли «браво»
И ждали нового быка.
Я не забуду шею бычьью
И глаз в крови — как головня.
И все ненужное величье
Горячего, сухого дня.

* * *

Крепче железа и мудрости глубже
Зрелого сердца тяжелая дружба.
В море встречаясь и бури изведав.
Мачты заводят простые беседы.
Иволга с иволгой сходятся в небе,
Дивен и дик их загадочный щебет.
Медь не уйдет от дыханья горниста,
Мертвый, живых поведет он на приступ.
Не говори о тяжелой потере:
Если весло упирается в берег,
Лодка отчалит и, чуждая грусти,
Будет качаться, как люлька — до устья.

* * *

Не торопясь, внимательный биолог
Законы изучает естества.
То был снаряда крохотный осколок,
И кажется, не дрогнула листва.
Что передать? Неконченную фразу,
Гримасу иль кiset для табака?
Он годы колесил. Застыла сразу,
Вся желтая от курева, рука.
Прочтут когда-нибудь, что век был грозен,
Прочтут, потом, вздохнув, перевернут,
Как прозябала, умирая, озимь,
Как больно было каждому зерну.
Забыть чужого века состраданье
И звуков равнодушную игру,
Но только чье-то смутное дыханье
Собой прикрыть, как спичку на ветру!

1938

* * *

Чем расставанье горше и труднее,
Тем проще каждодневные слова:
Больного сердца праздные затеи.
А простодушная рука мертва,
Она сжимает трубку или руку.
Глаза еще рассеянно юлят,
И вдруг ныряет в смутную разлуку
Как бы пустой остекляненный взгляд.
О, если бы словами, но не теми,
Быть может взглядом, шорохом, рукой
Остановить, обезоружить время
И отобрать заслуженный покой!
В той немоте, в той неуклюжей грусти
Начальная густая тишина,
Внезапное и чудное предчувствие
Глубокого полуденного сна.

* * *

Нет, не зеницу ока и не камень,
Одно я берегу: простую память.
Так дерево — оно ветров упорней —
Пускает в ночь извилистые корни.
Пред чудом человеческой свободы
Ничтожны версты и минута годы,
И сердце зрелое — тот мир просторный,
Где звезды падают и всходят зерна.

И С П А Н И Я

★

* * *

Тогда восстала горная порода,
Камней нагроможденье и сердец,
Медь Рио-Тинто бредила свободой,
И смертью стал Линареса свинец.
Рычали горы, щерились долины,
Моря оскалили свои клыки,
Прогнали горлиц гневные маслины,
Седой листвой прикрыв броневики,
Кусались травы, ветер жег и резал,
На приступ шли лопаты и скирды,
Узнали губы девушек железо,
В колодцах мертвых не было воды,
И вся земля пошла на чужеземца:
Коренья, камни, статуи, пески,
Тянулись к танкам нежные младенцы,
С гранатами дружили старики,
Покрылся кровью булочника фартук,
Огонь пропал, и вскинулось огнем
Все, что зовут Испанией на картах,
Что мы стыдливо воздухом зовем.

* * *

Сердце, это ли твой разгон?
Рыжий выжженный Арагон.
Нет ни дерева, ни куста,
Только камень и духота.
Все отдать за один глоток,
Пуля — крохотный мотылек.
Надо выползти, добежать.
(Как звала тебя в детстве мать?)
Ругань ружей. Дым голубой.
Рукопашный короткий бой.
Пулемет, потом тишина.
Здесь я встретил тебя, война.
Одурь полдня. Глубокий сон.
Край отчаянья, Арагон.

* * *

Парча румяных жадных богородиц,
Эскурнала грузные гроба.
Века по каменной пустыне бродит
Суровая испанская судьба.
На голове кувшин. Не догадаться,
Как ноша тяжела. Не скажет цеп
О горе и о гордости батрацкой.
Дитя не всхлипнет, и не выдаст хлеб.
Что ей гроза, артиллерийский пламень,
Наводчиков высокие труды?
Узнает не впервые знойный камень
Осколки кувшина и плеск воды.
Ослы кричат. Поет труба пастушья.
В разгаре боя, в середине дня
Вдруг смутная улыбка равнодушья,
Присущая оливам и камням.

КИНО

В кастильском нищенском селеньи,
Где только камень и война,
Была та ночь до одуренья
Криклива и раскалена.
Артиллерийской подготовки
Гроза гремела вдалеке.
Глаза хватались за винтовки,
И пулемет стучал в виске.
А в церкви — экая морока —
Показывали нам кино.
Среди святителей барокко
Дрожало яркое пятно.
Как камень, сумрачны и стойки,
Молчали смутные бойцы.
Вдруг я услышал — русской тройки
Звенели лихо бубенцы,
И, памятью меня измаяв,
Расталкивая всех святых,
На стенке бушевал Чапаев,
Сзывал живых и неживых.
Как много силы у потери!
Как в годы переходит день!
И мечется по рыжей сьерре
Чапаева большая тень.

Земля моя, земли ты шире,
Страна, ты вышла из страны,
Ты стала воздухом, и в мире
Им дышат мужества сыны.
Но для меня ты — с колыбели,
Моя земля, родимый край,
И знаю я, как пахнут ели,
С которыми дружил Чапай.

Я Н В А Р Ь 1939

В сырую ночь ветра точили скалы,
Испания, доспехи волоча,
На север шла, и до утра кричала
Труба помешанного трубача.
Бойцы из боя выводили пушки,
Крестьяне гнали одуревший скот,
А детвора несла свои игрушки,
И был у куклы перекошен рот.
Рожали в поле, пеленали мукой
И дальше шли, чтоб стоя умереть.
Костры еще горели пред разлукой,
Трубы еще не замирала медь.
Что может быть печальней и чудесней?
Рука еще сжимала горсть земли.
В ту ночь от слов освобождались песни
И шли деревни, будто корабли

* * *

Проснусь и сразу: не увижу я
Ее, горячую и рыжую,
Ее, сухую, молчаливую,
Одну под низкою оливою,
Не улыбнется мне приветливо
Дорога розовыми петлями.
Я не увижу горю почести,
Заботливость и одиночество,
Куэнку с красными обвалами
И белую до рези Малагу,
Ее тоску великодушную,
Июль с игрушечными пушками,
Мадрид, что прикрывал ладонями
Детей последнюю бессонницу.

* * *

Бои забудутся, и вечер щедрый
Земные обласкает борозды,
И будет человек справлять у Эбро
Обыкновенные свои труды.
Все зарастет — развалины и память,
Зола олив не скажет об огне,
И не обмолвится могильный камень
О розовом потерянном зерне.
Совьют себе другие гнезда птицы,
Другой словарь придумает весна.
Но вдруг в разгул полуденной столицы
Вмешается такая тишина,
Что почтальон, дрожа, уронит письма,
Шоферы отвернутся от руля,
И над губами высоко повиснет
Вина оледеневшая струя,
Певцы гитару от груди отнимут,
Замрет среди пустыни паровоз,
И молча женщина протянет сыну
Патронов соты и надежды воск.

Д Ы Х А Н И Е



* * *

На ладони — карта, с малолетства
Каждая проставлена река,
Сколько звезд ты получил в наследство,
Где ты пас ночные облака.
Был вначале ветер смертоносен,
Жизнь казалась горше и милей.
Принимал ты тишину за осень
И пугался тени тополей.
Отзвенели светлые притоки,
Стала глубже и темней вода.
Камень ты дробил на солнцепеке,
Завоевывал пустые города.
Заросли тропинки, где ты бегал,
Ночь сиреневая подошла.
Видишь — овцы, будто хлопья снега,
А доска сосновая тепла.

* * *

Как эти сосны и строенья
Прекрасны в зеркале пруда,
И сколько скрытого волнения
В тебе, стоячая вода!
Кипят на дне глухие чувства,
Недвижен темных вод покров,
И кажется, само искусство
Освобождается от слов.

* * *

Где играли тихие дельфины,
Далеко от зелени земли,
Нарываясь по ночам на мины,
Молча умирают корабли.
Века сон торжественный и хрупкий,
Человек не предаёт мечты;
Погибая, он спускает шляпки,
Скидывает сонные плоты;
Синевой охваченный, он верит,
Что земля любимая близка,
Что ударится о светлый берег
Легкая, как жалоба, доска.
Видя моря горестную смуту,
Средь ночи, измученный волной,
Он еще в последнюю минуту
Бредит берегом и тишиной.

В САВОЙЕ

Жилье средь гор, как всякое жильё:
Все те же пересуды, суп и скука,
А на веревке сушится белье,
И чешется весь день слепая сука.
Но подымись — и сразу мир другой,
От тысячи подробностей очищен.
Долина кажется большой рекой
И кораблем убогое жилище.
О, если б день один перерастить
И с высоты, средь тишины и снега,
Взглянуть на розовую пыль пути,
На синий дым последнего ночлега!

ДЫХАНИЕ

Мальчика игрушечный кораблик
Уплывает в розовую ночь.
Если паруса его ослабли,
Может им дыхание помочь,
То, что домогается и клянчит,
На морозе обретает цвет,
Одолеть не может одуванчик
И обходит втихомолку свет,
То, что лепит нежную победу,
Подымает грозовую рать,
О котором бредит напоследок
Зеркала нетронутая гладь.

* * *

Самоубийцею в ущелье
С горы кидается поток,
Ломает траурные ели
И сносит камни, как песок.
Скорей бы вниз! И дни, и ночи,
Не зная мира языка,
Грозит, упорствует, грохочет.
Так начинается река,
Чтоб после плавно и лениво
Качать рыбацкие челны
И отражать то трепет ивы.
То башен вековые сны.
Закончится и наше время
Среди лазоревых земель,
Где садовод лелеет семя
И мать качает колыбель,
Где день один глубок и долог,
Где сердце тишиной полно
И где с руки усталый голубь
Клюет пшеничное зерно.

П Е Р Е Д В О Й Н О Й



* * *

Как восковые отекали камельи.
Расина декламируют дрозды.
А ночью невеселое веселье
И ядовитый изумруд звезды.
В туманной суете прибудных улиц
Еще у стоек поят голытьбу.
А мудрые старухи уж разулись,
Чтоб слаще спать в игрушечном гробу.
Вот рыболов с улыбкою беззлобной
Подводит жизни сыгранной итог,
И кажется мне лилией надгробной
В летейских водах праздный поплавок.
Чинар не тронут поздние укоры,
Не дрогнут до рассвета фонари.
Гляди — Парижа путевые сборы,
Дома из пепла и цвета зари.

МОНРУЖ

Был нищий пригород, и день был сер,
Весна нас выгнала в убогий сквер,
Где небо призрачно, а воздух густ,
Где чудом кажется сирени куст,
Где не расскажет про тупую боль
Вся в саже бредовая лакфиоль,
Где маленьких сажают на песок,
Где грусть вгрызается в сухой висок.
Перекликались слава и беда,
Росли и рассыпались города,
И умирал обманутый солдат
Средь суматохи городов и дат.
Я знаю, век, не изменить тебе,
Твоей суровой и большой судьбе,
Но на одну минуту мне позволь
Увидеть не тебя, а лакфиоль,
Увидеть не в бреду, а наяву
Больную, золотушную траву.

У ПРИЕМНИКА

Был скверный день — ни отдыха, ни мира,
Столиц томительная хрипота,
Бахвальство или бешенство эфира:
Не тот обет и жалоба не та.
А во дворе, средь кошек и пеленок,
Приемника перебивая вой,
Кричал уродливый больной ребенок
И бил о стенку рыжей головой.
Потом урода женщина чесала,
И, материнской гордостью полна,
Она его «красавцем» называла,
И вправду любовалась им она.
Не зря я слепоту зову находкой.
Тоску зажать, как слабого птенца,
Пройти своей привычною походкой
От ранних клятв до позднего свинца.

М А Й 1939

Я должен вспомнить — это было:
Играли в прятки облака,
Лениво теплая кобыла
Выхаживала сосунка,
Кричали к вечеру мальчишки,
Дожди поили резеду,
И мы влюблялись понаслышке
В чужую трудную беду.
Как годы обернулись в даты?
И почему в горячий день
Пошли небритые солдаты
Из оголтелых деревень?
Живи хоть час, на полустанке,
Хоть от свистка и до свистка.
(Оливой прикрывала танки
Бойца проворная рука.)
Опять горластая тревога
Кричит над городом ночным.
Друзья, перед такой дорогой
Присядем малость, помолчим,
Как в старину, как домочадцы,
Пока еще горит окно,
И пчелы в пчельнике роятся,
И винодел несет вино.

Потом вскричит горнист, как лебедь,
И в песню громкую бойца
Вмешается жестокий щebet
Невыносимого свинца.

К Р У Г



* * *

Есть в хаосе самом высокий строй,
Тот замысел, что кажется игрой,
И может быть, начертит астроном
Орбиту сердца, тронутого сном.
Велик и дивен океана плач.
У инея учился первый ткач.
Сродни приливам и корням близка
Обыкновенной женщины тоска.
И есть закон для смертоносных бурь
И для горшечника, кладущего глазурь, —
То ход страстей, и зря зовут судьбой
Отлеты птиц иль орудийный бой.
Художнику свобода че дана,
Он слышит, что бормочет тишина,
И как лунатик, выйдя в темноту,
Он осязает эту темноту.
Не переставить звуки и цвета,
Не изменить кленового листа,
И дружбы горяча тяжелая смола,
И вечен след от легкого весла.

* * *

Ты вспомнил все. Остыла пыль дороги.
А у ноги хлопочут муравьи,
И это — тоже мир, один из многих,
Его не тронут горести твои.
Как разгадать, о чем бормочет воздух?
Зачем закат заночевал в листве?
И если вечером взглянуть на звезды,
Как разыскать себя в густой траве?

* * *

Когда подымается солнце и птицы стрекочут,
Шахтеры уходят в глубокие вотчины ночи.
Упрямо вгрызаясь в утробу земли рудоносной,
Рука отбивает у смерти цветочные весны.
От сварки страстей, от металла, что смутен и труден —
Топор дровосека и ропот тяжелых орудий.
Леса уплывают, деревьев зеленых и рослых
Легки корабельные мачты и призрачны весла.
На веслах дойдешь ты до луга. Среди мяты горячей
Осколок снаряда и старая женщина плачет.
Горячие зерна опять возвращаются в землю,
Притихли осины, и жадные ласточки дремлют.

* * *

Белесая, как марля, мгла
Скрывает мира очертанье,
И не растрогает стекла
Мое убогое дыханье.
Изобразил на нем мороз,
Чтоб сердцу биться не хотелось,
Корзины вымышленных роз
И пальм былых окаменелость.
Язык безжизненный зимы
И тайны памяти лоскутной.
Так перед смертью видим мы
Знакомый мир, большой и смутный.

* * *

Где люди ужинали — мусор, щебень,
Кастрюли, битое стекло, постель,
Горшок с сиренью, а высоко в небе
Качается пустая колыбель.
Железо, кирпичи, квадраты, диски,
Разрозненные смутные куски.
Идешь — и под ногой кричат огрызки
Чужого счастья и чужой тоски.
Каким мы прежде обольщались вздором!
Что делала, что холила рука?
Так жизнь, ободранная живодером,
Вдвойне необычайна и дика.
Портрет семейный — думали про сходство.
Загадывали, чем обить диван.
Всей оболочки грубое уродство
Навязчиво, как муха, как дурман.
А за углом уж суета дневная,
От мусора очищен тротуар,
И в глубине прохладного сарая
Над глиной трудится старик-гончар.
Я много жил, я ничего не понял
И в изумлении гляжу один,
Как, повинуюсь старческой ладони,
Из темноты рождается кувшин.

* * *

Бомбы осколок. Расщеплены двери.
Все перепуталось — боги и звери.
Груды рассечены, крылья отбиты.
Праздно зияют глазные орбиты.
Ломкий, истерзанный, раненый камень
Невыносим и назойлив, как память.
(Что в нас от смутного детства осталось,
Если не эта бесцельная жалость?)
В полуразрушенном брошенном зале
Беженцы с севера заночевали.
Средь молчаливых торжественных статуй
Стонут старухи и плачут ребята.
Нимф и кентавров забытая драма —
Только холодный поверженный мрамор.
Но не отвяжется и не покинет
Белая рана убитой богини.
Грудь обнажив в простоте совершенства,
Женщина бережно кормит младенца.
Что ей ваятели? Созданы ею
Хрупкие руки и нежная шея.
Цмскают губы, и звук этот детский
Нов и невнятен в высокой мертвецкой.

* * *

Глаза погасли, и холод губ.
Огромный город, не город — труп.
Где люди жили, растет трава,
Она приснилась и не жива.
Был этот город густым, как лес,
Простым, как горе, и он исчез.
Дома остались, но — никого.
Не дрогнут ставни. Забудь его.
Ты не забудешь, но ты забудь,
Как руки улиц легли на грудь,
Как стала Сена, пожрав мосты,
Рекой забвенья и немоты.
Гуляли мыши. Был день, как клей.
Старухи вышли из всех щелей,
Забрали сахар — за делом шли,
Омыли тело, потом ушли.
От камня в воду еще круги.
Как заступ о земь, чужих шаги.
Идут за гробом, и горе тут,
А камень розов, и розы лгут.

* * *

Упали окон вековые веки.
От соглядатаев отрешены,
Гуляли церемонные калеки,
И на луну глядели горбуны.
Старухи, вытянув паучьи спицы,
Прохладный саван бережно плели,
Коты кричали. Умирали птицы.
И памятники по дорогам шли.
Уснув в ту ночь, мы утром не проснулись.
Был сер и нежен города скелет.
Мы узнавали все суставы улиц,
Все перекрестки отроческих лет.
Часы не били. Стали звезды ближе.
Пустынен, дик, уму непостижим,
В забытом всеми ветреном Париже
Уж цепенел необозримый Рим.
Пусть, как деревья, рушатся народы,
Пусть ломок сон, как посиневший лед
Сильнее гнева мертвая природа,
В ней человек себя переживет.

ПАМЯТНИКИ

Номера домов, имена улиц.
Город мертвых пчел, брошенный улей.
Старухи молчат, в мусоре роясь.
Не придут сюда ни сон, ни поезд,
Не придут сюда от живых письма.
Не всхлипнет дитя. Не грянет выстрел.
Люди не придут — умереть поздно.
В городе живут мрамор и бронза.
Нимфа слез и рек (тишина, сжался!)
Ломает в тоске мертвые пальцы.
Маршалы, кляня века победу,
На мертвых конях едут и едут.
Мертвый голубок (что ему снится?),
Как зерно, клюет глаза провидца.
А город погиб. Он жил когда-то.
Он бьется в груди забытых статуй.

RUE CHERCHE-MIDI

Над Парижем грусть. Вечер долгий.
Улицу зовут «ищу полдень».
Кругом никого. Свет не светит.
Полдень далеко, теперь вечер.
На гербе корабль (черна гавань),
Его трюм — гроба, парус — саван.
Не сказать «прости», не заплакать.
Капитан свистит, поднят якорь.
Девушка идет, она ищет,
Где ее любовь, где кладбище.
Не кричат дрозды. Молчит память.
Идут, как слепцы, ищут камень.
Каменщик молчит, не ответит,
Он один в ночи ищет ветер.
Иди, не говори, путь тот долгий;
Это весь Париж ищет полдень.

У ПРИЕМНИКА

Над крышами Парижа весна не зашумит,
И жемчуг не нанижет кудрявая Мими.
Средь темной ночи слышишь (а ночь давно мертва),
Как умирают мыши и как растет трава.
И равнодушно диктор, не рад и не сердит,
На десяти языках о смерти говорит:
Как тонут тонны боли, как выполот народ,
И трупы — это только торговый оборот.
Но вдруг, как моря склянки, для мира и для нас
Кремлевские куранты вызванивают час.
Ты, может, из театра сейчас идешь домой...
И как мне непонятно, что этот город — мой,
Что над часами звезды, что я еще живой,
Что даже черный воздух становится Москвой!
Часы все ближе, ближе, они томят меня.
Под крышами Парижа ни звуков, ни огня.

* * *

Как дерево в большие холода,
Ольха иль вяз, когда реки вода
Упала в обморок и ходит вьюга,
Как дерево обманутого юга,
Что, к майскому готовясь торжеству,
Придумывает сквозь снега лнству,
Зовет малиновок и в смертной муке
Иззябшие заламывает руки, —
Ты в эту зиму с ветром говоришь,
Как старый вяз, расщепленный, Париж.

ОДИНОЧЕСТВО



* * *

Сочится зной сквозь крохотные ставни.
В белой комнате темно и душно.
В ослушников кидали прежде камни,
Теперь и камни стали равнодушны.
Теперь и камни ничего не помнят,
Как их ломали, били и тесали,
Как на заброшенной каменоломне
Проклятый полдень жаден и печален.
Страшнее смерти это равнодушие.
Умрет один — идут, назад не взглянут.
Их одиночество глушит и душит,
И каждый той же суетой обманут.
Быть может, ты, ожесточась, отчаясь,
Вдруг остановишься, чтоб осмотреться,
И на минуту ягода лесная
Тебя обрадует. Так встанет детство:
Обломки мира, облаков обрывки,
Кукушка с глупыми ее годами,
И мокрый мох, и земляники привкус,
Знакомый, но нечаянный, как память.

* * *

Все за беспамятство отдать готов,
Но не забыть ни звуков, ни цветов,
Ни сверстников, ни смутного ребячества
(Его другие переписут начисто).
Вкруг сердцевины кольца росли.
Друзей все меньше: вымерли, прошли.
Сгребают сено девушки веселые,
И запах сена веселит, как молодость.
Все те же лица, клятвы и слова:
Так пахнет только мертвая трава.

* * *

Батарею скрывали оливы.
День был серый. Ползли облака.
Мы глядели в окно на разрывы,
Говорили, что нет табака,
Говорили орудья сердито,
Про железо был этот рассказ.
В доме прыгали чашки и сита,
Штукатурка валилась на нас.
Только б этих горластых не слушать!
(Раскричалась в то утро война.)
А хозяйка, та пальцами уши
Затыкала, и выла она.
Что здесь делают шкаф и скамейка,
Эти кресла в чехлах и комод?
Даже клетка, а в ней канарейка,
И, проклятая, громко поет.
О каких говорит она веснах,
О каком канареечном сне?
Этот свист, этот грохот несносный
Для нее только голос извне.
Не смолкали дурацкие трели,
Стоит пушкам притихнуть — поет.
Отряхнувшись, мы снова смотрели:
Перелет, недолет, перелет.

Но не скрою — волненье пичуги
До меня на минуту дошло,
И тогда я припомнил в испуге
Бредовое мое ремесло —
Эта спазма, сжимавшая горло,
Чтоб сидеть, запершись, до утра.
Сколько чувств доконала, затерла
Слов и звуков пустая игра!
Канарейке ответила ругань.
Полоумный буфет завизжал.
Показался мне голосом друга
Батарей запальчивый залп.

* * *

В лесу деревьев корни сплетены,
Им снятся те же медленные сны,
Они поют в одном согласном хоре,
Зеленый сон, земли живое море.
Но и в лесу забыть я не могу:
Чужой реки на мутном берегу,
Как перст один, непримирим и страстен,
С ветрами говорит высокий ясень.
На небе четок каждый редкий лист.
Как, одиночество, твой голос чист!

О Б И Д Ы



* * *

Умереть и то казалось легче,
Был здесь каждый камень мил и дорог.
Вывозили пушки. Жгли запасы нефти.
Падал черный дождь на черный город.
Женщина сказала пехотинцу
(Слезы черные из глаз катились):
«Погоди, любимый, мы простимся»,
И глаза его остановились.
Я увидел этот взгляд унылый,
Было в городе черно и пусто.
Вместе с пехотинцем уходило
Темное, как человек, искусство.

* * *

Был бомбой дом как бы шутя расколот.
Убитых выносили до зари.
И ветер подымал убогий полог,
Случайно уцелевший на двери.
К начальным снам вернулись мебель, утварь.
Неузнаваемый, рождая страх,
При свете дня торжественно и смутно
Глядел на нас весь этот праздный прах.
Был мертвый человек, стекла осколки,
Зола, обломки бронзы, чугуна.
Вдруг мы увидели на узкой полке
Стакан и в нем еще глоток вина...
Не говори о крепости порфира.
Что уцелеет, если не трава,
Когда идут столетия на выруб
И падают, как ласточки, слова?

МАДРИД

Нет, не забыть тебя, Мадрид,
Твоей крови, твоих обид.
Холодный ветер кружит пыль.
Зачем у девочки костыль?
Зачем на свете фонари?
И кто дотянет до зари?
Над лихорадкой век и стен
Ночные жалобы сирен.
Зачем живет Карабанчель?
Зачем пустая колыбель?
И сколько будет эта мать
Не понимать и обнимать?
Выходит прямо в небо дверь,
И если хочешь, в небо верь,
А на земле клочок белья,
И кровью смочена земля.
Стекла злосчастливого озноб.
И улица ведет в окоп.
Идет к концу любой трамвай,
Идет, поет «не забывай».
А пушки говорят всю ночь,
Что не уйти и не помочь,
Что зря придумана заря,
Что не придут сюда моря,
Ни корабли, ни поезда,
Ни эта тихая звезда.

18 МАРТА

Не для того писал Бальзак.
Чужих солдат чугунный шаг.
Ночь навалилась горяча.
Бензин и конская моча.
Не для того — камням молюсь! —
Упал на камни Делеклюз.
Не для того тот город рос,
Не для того те годы гроз,
Цветов и звуков естество,
Не для того, не для того.
Лежит расстрелянный без пуль,
На голой улице патруль.
Так люди предали слова.
Траву так предала трава.
Предать себя, предать других.
А город пуст, и город тих,
И тяжелее чугуна
Угодливая тишина.
По городу они идут,
И в городе они живут,
Они про город говорят,
Они над городом летят.
Чтоб ночью город не уснул,

Моторов точен грозный гул.
На них глядят исподтишка,
И задыхается тоска:
Глаза закрой и промолчи.
Идут чужие трубачи,
Чужая медь, чужая спесь.
Не для того я вырос здесь.

* * *

Бродят Рахили, Хаимы, Лии,
Как прокаженные, полуживые,
Камни их травят, слепы и глухи
Бродят, разувшись пред смертью, старухи,
Бродят младенцы, разбужены ночью,
Гонит их сон, земля их не хочет.
Горе, открылась старая рана,
Мать мою звали по имени — Хана.

ИЛЬ-ДЕ-ФРАНС

Обрывки проводов. Не позвонит никто.
Как человек, подмигивает мне пальто.
Хозяева ушли. Еще стоит еда.
Еще в саду раздавленная резеда.
Мы едем час-другой. Ни жизни, ни жилья.
Убитых каски, клоч солдатского белья.
Все — смерть. Размолот камень, и расщеплен бук
Дома без крыш и нимфа дикая без рук.
А в мастерской, среди красок, кружев и колец,
Гранатой замахнулся на луну мертвец,
И синевой припудрено его лицо.
Как трудно вырастить простое деревцо!
Опять развалины — до одури, до сна.
Невыносимая пустая тишина.
Скажи, неужто был обыкновенный день,
Когда над детворой еще цвела сирень?

* * *

Молча — короткий привал —
Ночью ее целовал,
И не на ласку был скуп
Жар запечатанных губ;
Молча и до дурноты
Утром глядел на цветы,
Молча курил он табак,
Молча он гладил собак,
И суетился у ног
Теплый мохнатый щенок.
С ним говорила трава.
Где потерял он слова?
Вот истребитель идет,
Скажет свое пулемет,
Летчик глядит и молчит:
Нет языка у обид.
Громкая ночь жестока,
Нет у нее языка.

Н Е Н А В И С Т Ь



* * *

По тихим плитам крепостного плаца
Разводят незнакомых часовых.
Сказать о возрасте? Уж сны не снятся,
А книжка — с адресами неживых.
Стоят, не шелохнутся часовые.
Друзья редеют, и молчит беда.
Из слов остались самые простые:
Забота, воздух, дерево, вода.
На век гляжу еще благоговейней,
Освобожден и от себя отвык.
Чужое горе липнет, как репейник,
И тщится в смуте обрести язык.
Но вдруг, услышав боевые марши,
К винтовке снова тянется рука.
Не все ль равно, моложе или старше
Горниста крик и тишина штыка?
Порука вяжет нас — от снов подростка
До адресов (не я их растерял).
И часовой рукой сжимает жесткой
К теплу еще доверчивый металл.

В ПЕРПИНЬЯНЕ

Не здесь, на обломках, в походе, в окопе,
Не мертвых опрос и не доблести опись.
Как дерево рубят товарища, друга.
Позволь, чтоб не сердце, чтоб камень, чтоб уголь,
Работать средь выстрелов, виселиц, пыток
И ночи крестить именами убитых.
Победа погибших, и тысяч, и тысяч —
Отлить из железа, из верности высечь —
Обрублены руки и настезь отверсто
Не бьется, врагами расклевано, сердце.
Дожди огрызаются, щерятся розы,
И ласточки вьют пулеметные гнезда,
А дети находят на небе заката,
Как ягоды горя, ручные гранаты.

* * *

Пред зрелищем небес, пред мира ширью,
Пред прелестью любого лепестка
Мне жизнь подсказывает перемирие
И тшится горю изменить рука.
Как ласточки летают в поднебесьи!
Как тих и дивен голубой покров!
Цветов и форм простое равновесье
Приостанавливает ход часов.
Тогда, чтоб у любви не засидеться,
Я вспоминаю средь ночи огонь,
Короткие гроба в чужой мертвецкой
И детскую холодную ладонь.
Глаза к огромной ночи приневолить,
Чтоб сердце не разнежилось, грустя,
Чтоб ненависть собой кормить и холить,
Как самое любимое дитя.

* * *

На ночь глядя выслали дозоры.
Горя повидали понтонеры.
До утра кричали пулеметы.
Над рекой летали самолеты.
С гор, раздроблены, сползали глыбы.
Засыпали, проплывая, рыбы.
Умирая, подымались люди,
Не оставили они орудий,
И зенитки, заливаясь лаем,
Били по тому, что было раем.
Другом никогда не станет недруг.
Будь ты, ненависть, густой и щедрой,
Чтоб не дать врагам ни сна, ни хлеба,
Чтобы не было над ними неба,
Чтоб не ластились к ним дома звери,
Чтоб не знать, не говорить, не верить,
Чтобы мудрость нас не обманула,
Чтобы дулу отвечало дуло,
Чтоб прорваться с боем через реку
К утреннему розовому веку.

Б О И



* * *

Сбегают с гор, грозят и плачут,
Стреляют падают, ползут.
Рассохся парусник рыбачий,
И винодел срубил лозу.
Закутанные в одеяла,
Посты застыли на-чеку.
Война сердца освежевала
И выпустила в ночь тоску.
Рука пощады не попросит.
Слова врага не обелят.
Зовут на выручку колосья,
Родные жадные поля.
Суров и грозен воздух боя,
И пулемета голос лют.
А упадешь — земля и звезды,
И путь один — как кораблю.

* * *

Есть перед боем час — все выжидает:
Орудья, тучи, мокрая трава.
И человек невольно вспоминает
Разрозненные темные слова.
Хозяин жизни, он обводит взором
Свой трижды восхитительный надел,
Все, что вчера еще казалось вздором,
Что второпях он будто проглядел.
Как жизнь не дожита! Добро какое!
Расцеловать бы всех! Какой покой!
Как пахнут разогретые левкои!
А детский гомон звонок за рекой.
Все это было жизнью, и вчера лишь
Он баловал, он обнимал детей.
Но в сердце скрыта истинная залежь
Непримиримых и больших страстей —
Чтоб выпрямиться. Жизнь не отдается,
Как высота. И вот поет труба.
Любовь ведет под пули полководца
И прикрывает знаменем гроба.

* * *

Все простота: стекольные осколки,
Жар августа и духота карболки,
Как очищают от врага дорогу,
Как отнимают руку или ногу.
Умом мы жили и пустой усмешкой,
Не знали, что закончим перебежкой,
Что хрупки руки и гора поката,
Что договаривает все граната.
Редеет жизнь, и утром на постое
Припоминаешь самое простое,
Не ревность, не заносчивую славу —
Песочницу, младенчества забаву.
Распались формы, а песок горячий
Ни горести не знает, ни удачи.
Осталась жизни только сердцевина:
Тепло руки и синий дым овина,
Луга туманные и зелень бука,
Высокая военная порука —
Не выдать друга, не отдать без боя
Ни детства, ни глубокого покоя.

* * *

Горят померанцы, и горы горят.
Под ярким закатом забытый солдат.
Раскрыты глаза, и глаза широки,
Садятся на эти глаза мотыльки.
Натертые ноги в горячей пыли,
Они еще помнят, куда они шли.
В кармане письмо — он его не послал.
Остались патроны — не все расстрелял.
Он в городе строил большие дома,
Один не достроил — настала зима.
Кого он голубил, кого он берег,
Когда петухи закричали не в срок,
Когда закричала ночная беда
И в темные горы ушли города?
Дымились оливы. Он шел под огонь.
Горела на солнце сухая ладонь.
Над Сьеррой-Морена горела гроза.
Победа его целовала в глаза.
Раскрыты глаза, и глаза широки,
Садятся на эти глаза мотыльки.

* * *

Кончен бой. Над века жадной славой
В знойный полдень отцветает явор.
Мертвого солдата тихо нежит
Листьев изумительная свежесть.
О, деревья, мира часовые,
Сонные и сизо-голубые!
Темя дерева, как город горний,
В ночь уходят медленные корни.
Под тобой пастух играл на дудке,
Отдыхал тобой прикрытый путник,
И к тебе шутя пришли солдаты,
Явор счастья, убаюкай брата.

В АНДАЛУЗИИ

Гроб несли по розовому щебню,
И труба унылая трубила.
Выбегали на шоссе деревни,
Подымали грабли или вилы.
Музыкой встревоженные птицы,
Те свою высвистывали зорю.
А бойцы, не смея торопиться,
Задыхались от жары и горя.
Прикурить он больше не попросит,
Не вздохнет о той, что обманула.
Опускали голову колосья,
И на привязи кричали мулы.
А потом оливы задрожали,
Заступ землю жесткую ударил.
Имени погибшего не знали,
Говорили коротко «товарищ».
Под оливами могилу вырыв,
Чтоб не спутать, положили камень.
На какой земле товарищ вырос?
Под какими плакал облаками?
И бойцы сутулились тоскливо,
Отвернувшись сглатывали слезы.
Может быть, ему милей оливы
Простодушная печаль березы?

В темноте все листья пахнут летом,
Все могилы сиротливы ночью.
Что придумаешь просторней света,
Человеческой судьбы короче?

* * *

«Разведка боем» — два коротких слова.
Роптали оружейные басы.
И командир поглядывал сурово
На крохотные дамские часы.
Сквозь заградительный огонь прорвались,
Вдыхали и рубили на лету.
А в полдень подчеркнул штабного палец
Захваченную утром высоту.
Штыком вскрывали пресные консервы,
Убитых хоронили, как во сне,
Молчали. Командир очнулся первый.
В холодной предрассветной тишине,
Когда дышали мертвые покоем,
Очистить высоту пришел приказ,
И, повторив слова «разведка боем»,
Угрюмый командир не поднял глаз.
А час спустя заря позолотила
Чужой горы чернильные края.
Дай оглянуться — там мои могилы,
Разведка боем, молодость моя!



На Рамбле возле птичьих лавок
Глухой солдат (он ранен был)
С дроздов, малиновок и славок
Глаз восхищенных не сводил,
В ушах его навек засели
Ночные голоса гранат.
А птиц с ума сводили трели,
И был щеглу щегленок рад.
Солдат, увидев в клюве звук
Припомнил звонкие поля,
Он протянул к пичуге руки,
Губами смутно шевеля.
Чем не торгуют на базаре?
Какой не мучают тоской?
Но вот, забыв о певчей твари,
Солдат всердцах махнул рукой.
Не изменить своей отчизне,
Не вспомнить, как цветут цветы
И не отдать за щебет жизни
Благословенной глухоты.

* * *

В полдень было — шли солдат ряды.
В ржавой фляжке — ни глотка воды.
На припеке (а уйти нельзя)
Обгорали мертвые друзья.
Я запомнил несколько примет;
У победы крыльев нет как нет,
У нее тяжелая ступня,
Пот и кровь от грубого ремня
И она идет, едва дыша,
У нее тяжелая душа;
Человека топчет, как хлеба
У нее тяжелая судьба.
Но крылатой краше этот пот,
Чтобы сапу вырыть, будто крот,
Чтобы танк подбить исподтишка,
Добежать до ближнего леска,
Чтобы руки, чтобы тело, чтобы тень
Обломать, как первую сирень,
Чтобы — в яму, к чорту, под откос,
Только б целовать ее взасос!

* * *

Рта и надбровья смутное строенье,
Все тени, что с младенчества легли,
Есть в человеке мастера волнение
И тишина глубокая земли.
Когда земля в опасности, бесстрашной
К ней человек на выручку идет.
Не отличить бойца от жадной пашни,
И зерна гнева мечет пулемет.
Где скошенные падали на землю
И мертвые еще живых вели,
Под светлым деревом победа дремлет,
Как слепок с темной и большой земли.

НАДЕЖДА



* * *

О той надежде, что зову я вещей,
О человека розовом тепле,
О том, как зайчик солнечный трепещет,
Как умирает всадник на седле.
В Испании я видел, среди развалин
Рожала женщина, в тоске крича,
И только бабочки ночные знали,
Зачем горит нарядная свеча.
О горе и о молодости мира.
Легко из жилы вытекает кровь.
В глухой тайге огромный город вырос,
И в нем стихи писали про любовь.
Я промолчу о мужестве, о стуже,
Как отбивает четверти беда,
Как дети бредят голосами ружей
И как молчат пустые города.
Опять в цвету библейские маслины.
Следы ступни на утреннем песке.
Комочек мокрой золотистой глины
В неопытной младенческой руке.

МИТИНГ

Люблю я духоту народных сборищ,
Косноязычной речи голизну,
Литейщиков расплавленную горечь
И землекопа грубую весну.
Судеб раздельных немота и сирость,
Скопление разрозненных обид,
Не человек, но отрочество мира
Сердцами и руками говорит.
Как будто перед боем пехотинцу
Протягивает женщина кувшин —
Та теплота простого побратимства,
Его суровый и короткий чин.
Притихли ярусы. Молчат подмости.
Свинцовая свалилась тишина.
Мужают обреченные подростки,
И порох вспоминает седина.
Надежду видел я, и розы тоньше,
Как топкий воск послушная руке,
Она рождалась в кулаке поденщиц
И сгустком крови билась на дравке

1938

«ГОВОРИТ МОСКВА»

Трибун на цоколе безумца не напойт.
Не крикнут ласточки средь каменной листвы.
И вдруг доносится, как смутный гул прибоя.
Дыхание далекой и живой Москвы.
Всем пасынкам земли знаком и вчуже дорог
(Любуются на улиц легкие стежки) —
Он для меня был нежным детством, этот город,
Его Садовые и первые снежки.
Дома кочуют. Выйдешь утром, а Тверская
Свернула за угол. Мостов к прыжку разбег.
На реку корабли высокие спускают,
И, как покойника, сжигают ночью снег.
Иду по улицам, и прошлого не жалко,
Ни сверстников, ни площади не узнаю.
Вот только слушаю все ту же речь с развалкой
И улыбаюсь старожилу-воробью.
Сердце кипенье: город взрезан, взорван, вскопан,
А судьбы сыплются меж пальцев, как песок.
И, слыша этот шум, покорно ночь Европы
Из рук роняет шерсти золотой моток.

1938

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Что было городом — дремучий лес,
И человек, услышав крик зловещий,
Зарылся в ночь от ярости небес,
Как червь слепой, томится и трепещет.
Ему теперь и звезды невдомек,
Он даже веки опустил, как ставни.
Но вот какой-то беглый огонек —
Напоминание о жизни давней.
Кто тот прохожий, и чему он рад?
В кого влюблен? Глазами чьими бредит?
Иль это пробирается солдат
К слепой и окровавленной победе?
Откинуть мишуру минувших лет
И снизойти до косности природы,
Но только пронести короткий свет
Сквозь черные томительные годы.

У ПРИЕМНИКА

В городе брошенных душ и обид
Горе не спросит и ночь промолчит.
Ночь молчалива, и город уснул.
Смутный доходит до города гул:
Это под темной больной синевой
Мертвому городу снится живой,
Это проходит по голой земле
Сон о веселом большом корабле.
Ветер попутен, и гавань тесна,
В дальнее плаванье вышла весна.
Люди считают на мачтах огни;
Где он причалит, гадают они.
В городе горе, и ночь напролет
Люди гадают, когда он придет.
Ветер вздувает в ночи паруса.
Мертвые слышат живых голоса.

1940

ДРУЗЬЯМ

Ты тронул ветку, ветка зашумела.
Зеленый сон, как молодость, наивен.
Утешить человека может мелочь:
Шум листьев или летом светлый ливень,
Когда, омыт, оплакан и закапан,
Мир ясен — весь в одной повисшей капле,
Когда доносится тяжелый запах
Цветов, что прежде никогда не пахли.

.
Судьбы, как городов проломы, бреши,
Дорог крутых, как виселицы петли.
Нет, человека нелегко утешить.
И все же я скажу про дождь, про ветви:
Мы победим. За нас вся свежесть мира,
Все жилы, все побеги, все подростки,
Все это небо синее — на вырост,
Как мальчика веселая матроска.
За нас все звуки, все цвета, все формы,
И дети, что, смеясь, кидают мячик,
И птицы изумительное горло,
И слезы простодушные рыбачек.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Города горят: у тех обид
Тонны бомб, чтоб истолочь гранит.
По мосту понтонному в крови
Ночью проползают муравьи,
И летит еще, летит щепка:
Ружья, руки, розы, черепа.
От полей исходит трупный дух.
Псы не лают, и молчит петух,
Только говорит про мертвый кров
Рев больных недоенных коров.
Груди женщин выжала тоска.
Хлеб осыпался — и ни куска.
Умирает северная ель
И оливы розовых земель,
И родства не помнящий лишай
Научился говорить «прощай»,
И на ста языках человек,
Умирая, проклиная век.
Будет день, и прорастет она —
Из костей, как всходят семена:
От сетей, где пена и треска,
До Сахары праздного песка,
Всколосятся руки и штыки,
Зашагают мертвые полки,

Зашагают ноги без сапог,
Зашагают сапоги без ног,
Зашагают горя города,
Выплывут утопшие суда,
И на вахту станет без часов
Тень товарища и облаков.
Вспомнит старое крапивы злость,
Соком ярости нальется гроздь,
Кровь проступит сквозь земли тоску,
Кинется к разбитому древку,
И труба поведаст, крича,
Сны загубленного трубача.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЕРНОСТЬ

Верность—прямо дорога без петель	3
Бой быков	4
Крепче железа и мудрости глубже	5
Не торопясь, внимательный биолог	6
Чем расставанье горше и труднее	7
Нет, не веницу ока и не камень	8

ИСПАНИЯ

Тогда восстала горная порода	9
Сердце, это ли твой равгон	10
Парча румяных жадных богородиц	11
Кино	12
Январь 1939	14
Проснусь и сразу: не увижу я	15
Бои забудутся, и вечер щедрый	16

ДЫХАНИЕ

На ладони—карта, с малолетства	17
Как эти сосны и строенья	18
Где играли тихие дельфины	19
В Савойе	20
Дыхание	21
Самоубийцею в ущелье	22

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Как восковые отекли камельи	23
Монруж	24

У приемника	25
Май 1939	26

КРУГ

Есть в хаосе самом высокий строй	28
Ты вспомнил все. Остыла пыль дороги	29
Когда подымается солнце и птицы стреко- чут.	30
Белесая, как марля, мгла	31
Где люди ужинали—мусор, щебень	32
Бомбы осколок. Расщеплены двери	33
Не туманами, что ткали парки	34

ПАРИЖ . 1940

Уходят улицы, узлы, базары	35
Глава погасла, и холод губ	36
Упали окон вековые веки	37
Памятники	38
Rue Cherche-Midi	39
У приемника	40
Как дерево в большие холода	41

ОДИНОЧЕСТВО

Сочится вной сквозь крохотные ставни	42
Все за беспамятство отдать готов	43
Батарейю скрывали оливки	44
В лесу деревьев корни сплетены	46

ОБИДЫ

Умереть и то казалось легче	47
Был бомбой дом как бы шутя расколот	48
Мадрид	49
18 марта	50
Бродят Рахили, Хаимы, Ли	52
Иль-де-Франс	53
Молча—короткий привал	54

НЕНАВИСТЬ

По тихим плитам крепостного плаца	55
В Перпийяне	56
Пред зрелищем небес, пред мира ширью . . .	57
На ночь глядя выслали дозоры	58

БОИ

Сбегают с гор, гремят и плачут	59
Есть перед боем час—все выжидает	60
Все простота: стекольные осколки	61
Горят померанцы, и горы горят	62
Кончен бой. Над века жадной славой	63
В Андалузии	64
„Разведка боем“—два коротких слова	66
На Рамбле возле птичьих лавок	67
В полдень было—шли солдат ряды	68
Рта и надбровья смутное строенье	69

НАДЕЖДА

О той надежде, что зову я вещей	70
Митинг	71
„Говорит Москва“	72
Щочная тревога	73
У пршемника	74
Друзьям	75
Красное знамя	76

Редактор В. В. Казин

Тираж 10 000

Подписано в печать 1/IV—41 г. А 37287
2¹/₂ печ. лист. 1,77 авт. лист. 51584 зн.
в печ. листе.

Цена 1 руб. 50 коп.

6-я типогра фия ОГИЗ'а Треста
„Полиграфкнига“. Москва. 1-й
Самотечный пер., 17.

1 р. 50 к.

[Handwritten signature]

ГОСЛИТИЗДАТ. 1941